

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(100)(075.8)

ПРЕОДОЛЕНИЕ МЕТАФИЗИКИ В ФИЛОСОФИИ Ф. НИЦШЕ

д-р филос. наук, проф. Т.Г. РУМЯНЦЕВА
(Белорусский государственный университет, Минск)

В статье предпринята попытка проанализировать сущность ницшеанского преодоления метафизики и его проекта воли к власти в качестве глобального метафизического прорыва.

Фридрих Ницше занимает особое место в современной западной философии. Осуществленный им поворот, названный М. Хайдеггером «ницшеанским прорывом», сыграл колоссальную роль в становлении нового типа мышления, а его учение стало своего рода стандартом философствования в процедурах перехода от классического к неклассическому стилю мышления. Именно благодаря Ницше начинается «конец метафизики», проявляющий себя в упадке власти сверхчувственного и порожденных им идеалов, учрежденных *над* сущим, чтобы придать ему цель и порядок. Наступает эпоха установления новых ценностей или переоценки ценностей. Само выражение «переоценка всех прежних ценностей» – этот главный нерв философии Ницше – и указывает на место и назначение его позиции внутри истории западной метафизики, когда радикально меняется полагание ценностей и определение их сути. Хайдеггер скажет, что бытие здесь впервые оценивается как ценность, а метафизика становится мышлением в ценностях. В своей работе «Европейский нигилизм» философ отмечает, что новый принцип, с помощью которого сущее в целом теперь подвергается принципиально новому определению, заключается в том, что сущее теперь истолковывается из *него самого*, а не из *над* ним поставленного сверхчувственного [1, с. 41, 64, 65]. Мир принимает новый смысл, который «не принижает его до роли проходного двора». Именно благодаря Ницше и возникает тот новый мир, в котором человек впервые развертывает свое существо из полноты собственной ценности.

В XX веке о Ницше много говорят как о философе, завершающем традицию западной метафизики, как о «последнем метафизике» (Хайдеггер), что именно он впервые выдал тайну метафизики, т.е. тайну метафизического истолкования бытия сущего. Радикальная метафизическая установка, своего рода «запрет на метафизику» в философии XX века, станет во многом продолжением дела Ницше. Неслучайно известный французский философ Ж. Деррида назовет его своим прямым предшественником – «деконструктором до деконструкции», смело опрокинувшим все метафизические оппозиции, освободившим текст от подчинения наличию и истине, а также избавившимся от «жесткого отношения к языку». В данной работе мы и попытаемся рассмотреть философию Ницше в контексте преодоления им метафизики. При этом возникает целый ряд вопросов: *как* он понимал метафизику, *почему* это стремление к ее преодолению действительно пронизывает все его творчество и *как*, наконец, понимать само это *преодоление*? Как процесс или как итог, результат, только как разрушение всего старого или его видоизменение, попытку впервые увидеть *существо* самой этой метафизики, ее глубинные основания? Предполагало ли все это радикальный пересмотр главных метафизических оппозиций, ее основополагающих тезисов и концептов? И, последнее: является ли сам ницшеанский *проект воли к власти* глобальным метафизическим прорывом, или же воля, составляющая основную черту всего сущего, и есть воскресение все той же метафизики только в видоизменной форме. Если саму метафизику понимать при этом чисто в хайдеггеровском духе, т.е. как истину о сущем.

Следуя логике Хайдеггера, конец, преодоление метафизики – это когда ее сущностные возможности исчерпались, а последняя из этих возможностей – та форма метафизики, в которой ее существо *перевортывается*, т.е. перевернутый платонизм. Забегая вперед, скажем, что у Ницше именно чувственное становится истинным миром, в то время как сверхчувственное – неистинным. Бог-то ведь умер! А значит наступает конец власти сверхчувственного. Посмотрим, на преодоление каких собственно метафизических «скрижалей» направлена его философия.

1. Ницше афористически излагает свое учение, в принципе игнорируя принцип системности, рассматривая при этом сам афоризм как своего рода апофеоз бессистемности.

2. Он радикально пересматривает ряд традиционных метафизических догм и оппозиций – об истине, субъекте и объекте, цели и средстве, причине и следствии.

3. Философ отказывается от безусловной априорности метафизического познания, его логики, его категорий, дуализма уровней и источников (путей) познания.

4. Для него характерен отказ от традиционной стратегии членения философского знания по числу трех кантовских критик, т.е. теоретической философии, практической философии и эстетики или его более традиционного подразделения на онтологию, гносеологию, этику, эстетику. Сама онтология у Ницше тесно переплетается с гносеологией, этикой и эстетикой, более того, не имеет самостоятельного значения, выполняя «прикладной характер», будучи полностью подчинена нравственным постулатам, прежде всего титаническому стремлению к утверждению новой жизни, жажды новых сильных людей. Казалось бы, чисто онтологические построения часто перетекают в моральное творчество или переплетаются с эстетическими суждениями, обосновывая тем самым главный тезис о сверхчеловеке. «Поскольку мы верим в мораль, мы осуждаем бытие», или: «Искусство у нас, – чтобы мы не погибли от истины», и сакраментальное: «Только как эстетический феномен бытие и мир оправданы в вечности» [2, с. 75]. Какова же его собственная конструкция истинного мира, способ утверждения истины бытия, как сказал бы Хайдеггер? Сколько бы Ницше ни критиковал предшествующую метафизику за то, что она приписывает «миру самому по себе» ему не принадлежащее, сам он наделяет мир, или представляет его в истинных преδικатах и свойствах (чем не путь метафизики!). Он делает это в два этапа: во-первых, он срывает покрывало «навязанных» миру определений сознания, элиминируя все надуманные оковы культуры, морали, религии; во-вторых, видит основополагающей чертой мира, единственной *истиной* сущего, *волю к власти*.

Рассмотрим основные положения учения о воле к власти как истине сущего.

1. Воля к власти – это основная черта всего сущего, истина о сущем в целом; в силу этого воля к власти является главной несущей конструкцией всего учения Ницше. С помощью нее он пытается объединить все стороны своей философии в некое единое целое и, более того, радикально *изменить* всю предшествующую и современную ему философию и науку.

2. Воля к власти – это принцип объяснения мира, его субстанциальная основа и фундаментальная движущая сила; она присуща как всему миру в целом, так и отдельным его частям [3].

3. Важнейшими понятиями, в терминах которых Ницше описывает волю к власти, становятся *сохранение и возрастание*, ибо она не просто то, что есть сущее; власть есть власть только тогда, когда и пока она больше чем власть, т.е. это не просто сохранение, а возрастание, самоуполномочение власти на превосхождение себя самой. Это то, откуда исходит и куда возвращается всякое полагание ценностей. Только она и полагает эти ценности и не терпит при этом никакой другой цели за пределами сущего в целом. Воля к власти у Ницше – это то, что можно было бы назвать становлением.

4. Само сущее, сам мир как воля к власти должен быть, по Ницше, постоянным *становлением*, возрастанием власти и снова возвращением ее к себе, отсюда и пресловутое вечное возвращение, которое показывает, собственно, *как* должно существовать сущее; сама же воля к власти показывает *что* есть это сущее. Мы, таким образом, имеем у Ницше дело не с неподвижным миром Парменида, которому достаточно быть тем, что он *есть*. Это скорее гераклитово вечное становление, непрерывное усилие к возрастанию жизни, росту как условию сохранения. И Ницше предупреждает, что это становление не есть бесконечное поступательное движение к какой-то неизвестной цели. Это самовозобладание власти как ее сути, ее возвращение к себе, постоянное восстановление себя в своей природе.

5. Человек является частью универсальной воли к власти, одним из центров соперничающих ее сил, средоточием множества волей, где каждая имеет свой способ выражения: а) аффекты как первичный и наиболее адекватный способ выражения; б) разум, интеллект, мышление как выражение «скрытых за ними аффектов». В этом пункте то, что можно назвать «онтологией» воли к власти, органично перетекает в своего рода «гносеологию», которая у Ницше сопряжена с термином «перспективизм».

6. Единый субъект оказался разрушен, расчленен на множественность волей, а само познание превращается не более чем в орудие воли к власти, служит повышению жизни: «Какой-нибудь тип усваивает столько реальности, чтобы овладеть, воспользоваться ею». Можно говорить об исключительно служебном характере познания, а также сознания, логики, разума, науки как таковой. Все это не более чем результат приспособления организма к среде, схематизации и упрощения хаоса мира.

7. Отсюда истина – это теперь уже не цель познания (такой целью является сама жизнь – *T.P.*), а лишь то, что способствует возрастанию жизни, чувства могущества. Вопрос о достоверности для Ницше не столь существен. «В жизни есть лишь желания и их удовлетворения, а что между ними – истина или заблуждение, не имеет существенного значения». Почти как у популярного сегодня на Западе философа Р. Рорти, согласно которому истина – это «нечто, что нужно создать, а не открыть». У Ницше есть еще одно интересное высказывание об истине, в котором он сравнивает ее с движущимся скоплением метафор и антропоморфизмов, суммой человеческих отношений, которые были возвышены, перенесены и украшены поэзией и риторикой и после долгого употребления кажутся людям каноническими и обязательными. Истины – иллюзии, о которых мы забыли, что они таковы, метафоры, которые уже истрепались и стали чувственно бессильными. Очень сложна для понимания ницшевская так называемая диалектика истины и заблуждения. Он то сталкивает их, отдавая предпочтение заблуждению, то вообще не видит разницы между ними: истина превращается у него в неопровержимое заблуждение, то, что «удается» – то и истинно! Своего рода гносеологический прагматизм [3, с. 233, 245, 249].

8. Что касается перспективизма или перспективного восприятия сущего, то у Ницше он имеет следующее толкование. Так как мир у него – это неупорядоченный поток становления, то наши понятия и категории абсолютно несоизмеримы с последним. Он говорит, что «мы можем постичь лишь тот мир, который мы сами создали», но ведь именно так рассуждал в свое время И. Кант, когда писал в «Критике чистого разума», что разум видит только то, что сам создает по собственному плану. Все метафизические концепты – «вещь в себе», «субъект», «единство Я», «причина», «цель» и многие другие, не имеют, по Ницше, никакого реального содержания, ничего этого в мире просто нет; есть лишь кажущийся мир постоянных изменений количества сил, без всякой истины и какой-либо цели [3, с. 232]. Суть перспективизма состоит в том, что каждое живое существо, не обязательно только человек, наделено особой точкой видения этого мира. То есть любой центр силы (живое существо) *от себя* конструирует, по своей силе мерит, осязывает весь остальной мир. «Захоти человек наружу из мира перспектив, он погибнет». Никто здесь не может претендовать на истинность своей перспективы. Познание, таким образом, это всего лишь оценка, интерпретация, созидание мира познающим. «Есть только одно – перспективное «познание», и чем больше глаз, различных глаз имеем мы для созерцания вещи, тем полнее будет наше «понятие» вещи, наша объективность».

9. Отдельно можно было бы говорить и об иррационализме Ницше. Уже в «Так говорил Заратустра» он отдавал приоритет и в познании, и в жизни всему непосредственно-интуитивному, инстинктивно-бессознательному, витальному. Ведь разум, по Ницше, чужд жизни. «Каким холодом и отчужденностью веет на нас до сих пор от тех миров, которые открыла наука». Не лгут только чувства, и воля к власти только здесь находит свое непосредственное проявление. Ницше возвышает все витальное, телесное, инстинктивное: «тело, жест, диета, физиология» – все должно начинаться с физической стороны, и греки, – говорит он, – хорошо знали это. Важно помнить, что когда философ говорит о теле, его нельзя мыслить в терминах классических оппозиций, типа «субъект-объект» или «микрокосм-макркосм», «дискретное-непрерывное». Речь идет не об эмпирическом теле человека как о чем-то доступном внешнему наблюдению, находящемся в органической оболочке. Это некое сверхтело как совокупность микроскопических отношений сил и энергий, где любой элемент обладает собственной автономной перспективой роста, внутренними законами, подчиняясь только внутренней цели. Опыт тела гораздо выше опыта субъективности и опыта языка, которые не могут выразить становление. Ницше полагает, что разум, сознание – свидетельства слабости инстинктов, вырождения жизни. Эти его идеи о доминировании бессознательно-витального в человеке и представление о нем как о «неопределившемся животном» вошли в качестве важнейшего элемента в концепции философской антропологии, получившей широкое распространение в XX веке.

Называя Ницше «последним метафизиком» и полагая, что он доводит метафизику до окончательного завершения, Хайдеггер прекрасно понимал и многократно подчеркивал, что преодоление метафизики не есть вытеснение ее из сферы философии, что, придя к концу, она только теперь впервые и вступает в свое безраздельное господство среди самого сущего, и конец этот может длиться дольше, чем вся предшествующая ее история [4, с. 177]. Метафизика всегда возвращается назад видоизменной; с крушением старого мира гибнет и та метафизика, которая его запечатлевает. Так было во времена Канта, когда философ низверг старую метафизику с пьедестала «царицы наук», лишил ее статуса дисциплины о вещах сверхчувственного мира и превратил в науку о границах человеческого разума. Нанеся ей смертельный удар, великий кенигсбержец в то же самое время придал ей, по словам К. Фишера, столь «безопасное и хорошо определенное положение», которого она никогда раньше не занимала, придав ей тем самым новый импульс для дальнейшего развития. Преодоление метафизики всегда есть превосхождение ею самой себя. «Ницшеанское преодоление» – это воскрешение ее в качественно ином виде, ибо воля к власти становится своего рода новой формой метафизики, хотя создается видимость, будто «мета», трансцендентное, сверхчувственное отменяется в пользу чувственного, вещественного.

Метафизика с ее априоризмом и умозрением, пафосом истины и предельным способом задавать вопросы будет существовать до тех пор, пока жив человек. Мода дискриминировать ее в современных дискурсах уже проходит, и становится очевидно, что не все из объявленного в XX веке архаичным является таковым на самом деле. От многих метафизических установок философия никогда не сможет отказаться, и здесь я вполне солидарна с Кантом, полагавшим, что метафизика – это природная склонность, и ее «проклятые вопросы» будут поджидать нас всегда. Другое дело, что с изменением мира меняются смысл этих вопросов и формы метафизики, как это было с философией Ницше, которая, будучи своего рода введением к началу новой эпохи, установлению принципиально новых ценностей, не могла не дать отпор прежней метафизике, задавая при этом нормы будущему времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: Ст. и выступл. – М., 1993.
2. Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм // Ницше Ф. Сочинения: В 2-х т. Т. 1. – М., 1990.
3. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. – М.: «REFL-book», 1994.
4. Хайдеггер М. Преодоление метафизики // Хайдеггер М. Время и бытие: Ст. и выступл. – М., 1993.